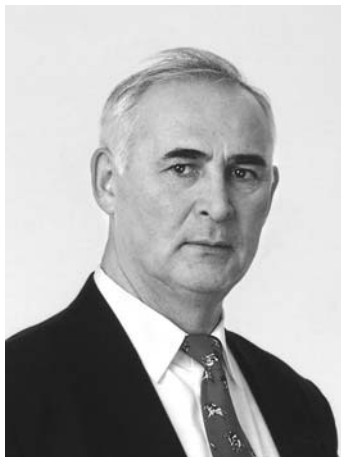

РИНАТ МУХАМАДИЕВ

СВОИ ЛЮДИ

РАССКАЗ*

По мере приближения к Казани колеса поезда стучали решительнее. Да и сердце... радостней и энергичнее билось в груди. Березы и рябины, что растут по берегу Волги, на теплом ветерке машут зелеными платочками. Телеграфные столбы несутся навстречу, глаз не успевает следить за ними, мелькают лишь их тени. Возвращение в родной город после долгой вынужденной разлуки, когда, бывало, скучая по нему, считал дни и месяцы... Из-за этой тоски не спал по ночам... Это волнение может понять лишь тот, кто сам пережил подобное.

Он даже не заметил, как оказался у окна. Глаза следили за дорогой, а на душе — грусть. Грусть и нетерпение. Прошло уже четыре года, как он оставил Казань. Думал, временно... Кому-то может показаться: невелика беда. А Галимджанов тяжело пережил это время. Он думал: брошу всё — забуду, уеду. Ан нет. Не так-то легко забыть родные места, где рос, трудился. Как забыть родных, друзей, знакомых...

МУХАМАДИЕВ Ринат Сафиевич родился в 1948 году в деревне Малые Кирмени Мамадышского района Республики Татарстан. Окончил Казанский университет. Работал редактором Казанского телевидения, заместителем главного редактора журнала "Казан утлары", директором Татарского книжного издательства, более десяти лет руководил Союзом писателей Татарстана. С 1999 года проживает в Москве. Главный редактор Федеральной просветительской газеты "Татарский мир". Автор книг на татарском, русском и многих языках мира. Лауреат Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая, других литературных премий.

* Публикуется при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС). Перевод с татарского Р. Фаткуллиной.

В купе их было двое. Сосед, одних с ним лет, в Казань ехал впервые. Поэтому, надо полагать, у них не сложился разговор. Хотя обедали и чаевничали вместе. Сосед всю дорогу сидел, уткнувшись в газету. А Галимджанов был занят своими мыслями: копался в прошлом. Когда одолевала печаль, смотрел в окно.

Когда они проехали мост через Волгу и въехали на окраину, сосед вдруг разговорился:

— Вы впервые едете в Казань? — спросил он.

— Нет, — ответил Галимджанов. — Я из этих мест.

— Не похоже.

— Почему? Да если я даже спрячусь в печи, то все равно по спине узнают, что я татарин.

— Татары рассеялись по всей России, по всему миру... Немало татар, которые ни разу не видели Казани. Как-то не похоже, что вы рветесь домой. Люди не возвращаются в родные края с такими тяжелыми думами.

— А вы сами русский, так ведь? — счел нужным спросить Галимджанов, хотя сомневался в этом.

— Нет, ошибаетесь. Я — татарин, Аблаев Ильдар Рустамович, — протянул он руку. — Давайте знакомиться. Лучше поздно, чем никогда.

— Я — Галимджанов, — произнес, перейдя на татарский. Но имя не назвал. — Могли бы всю дорогу проговорить на родном языке.

Аблаев некоторое время смущенно смотрел на него, затем как бы виновато, но спокойно сообщил:

— Жаль, но я не говорю по-татарски. Вернее, в детстве говорил, но забыл... Я родился далеко на востоке. Женился на русской девушке. Язык забывается без практики.

— Это так, — вздохнул собеседник. — А какие пути ведут в Казань, родственников навестить?

— Если скажу, что в Казани у меня никого нет, это не будет ложью. Родители мои из Пензы. Однако и там я не был. Конечно, хочется побывать, но нет времени.

— А в Казань нашли время?

— В Казань меня направили на работу.

Галимджанов не стал продолжать расспросы и опять уставился в окно. А Аблаев желал продолжить беседу. Он, хоть и видел безразличие соседа, добавил:

— Вот пока еду один. Если город понравится, устроюсь, перевезу семью. Жить отдельно нехорошо. Жизнь-то одна...

— Значит, что-то все-таки тянет вас в Казань. Говорят же: родная кровь дает себя знать. Очень хорошо, что вы собираетесь здесь свить гнездо, — поспешил одобрить Галимджанов.

— Возможно, возможно... — промямлил Аблаев. Казалось, ему всё равно — Казань, Самара или Екатеринбург. Везде одинаково — одна страна, обычаи одни и те же, одинаковые люди. Однако он промолчал, не хотелось обижать соседа.

— Казань — красивый город. Ничто с ним не сравнится, — гордо произнес Галимджанов. — Вон, видите, наш кремль, берега реки Казанки, а справа разлилась Волга. Такой красоты нет, наверное, ни в каком другом городе мира... Вы хоть одним глазком взгляните в окно.

Аблаев нехотя пододвинулся к окну.

— Не туда, а смотрите вперед, на наш кремль. На башню Сююмбике, — вынужден был ткнуть пальцем Галимджанов.

— Красиво, — нехотя согласился Аблаев. — Вроде похож на московский Кремль.

Однако было видно, что он не в восторге. Заметив это, Галимджанов умолк. Он даже погрустнел от такого безразличия.

В купе на некоторое время установилась тишина. Но вскоре Аблаев нарушил ее.

— Вижу, что вы очень любите свой город. Даже гордитесь им. Так ведь?

— Верно подметили.

— Тогда можно задать вопрос?

— Пожалуйста.

— Почему же вы, так любя, покинули этот город? Говорите, что четыре года не были...

Галимджанов даже вздрогнул и резко повернулся. Молчал некоторое время, не зная, что ответить. Чтобы спокойно, обстоятельно объяснить причину своего отъезда, совсем не оставалось времени.

— Не нашел общего языка с руководством. Вот и вынужден был бросить любимую работу, друзей, родные места и уехать, — выдавил он.

— Не кажется ли вам, что это напоминает пословицу: рассердившись на блоху, сжег шубу?

— Выходит так. Но, — он тщательно подбирает слова, — бывает порой, если блохи вопьются, шуба может сгореть, а они останутся. Оказывается, около крупной блохи быстро собирается мелочь... Со мной случилось подобное...

В вагоне зазвучала громкая музыка.

— Что это за музыка? Почему ее завели? — удивился Аблаев.

Уже по одному этому вопросу было ясно, что он впервые едет в Казань. Галимджанов улыбнулся.

— Это марш Сайдаша. Марш Советской Армии. В Казани торжественно встречают уважаемых гостей этим маршем. И провожают.

— Хорошая музыка. Говорите, Сайдаш?.. А кто он?

— Композитор. Великий татарский композитор.

— Сайдаш... Сайдаш... — повторял Аблаев. Хотел, видимо, запомнить. — Я не слышал о нем.

Взглянув в окно, увидев встречающих, Галимджанов онемел.

Он готов был выскочить в окно. Его удерживало только присутствие Аблаева. Он не верил своим глазам. У вагона с букетами цветов собрались его старые друзья, коллеги. А он думал: забыли, забросили... Как они узнали о его приезде?

— Вас встречают? — спросил Аблаев.

— Да, из прежнего коллектива. Мои бывшие замы, начальники цехов, заведующие отделами — все свои люди, — выдохнул Галимджанов. Комок подступил к горлу, глаза наполнились слезами. С трудом удержался, чтоб не заплакать.

— Не волнуйтесь так, успокойтесь. Успокойтесь, — утешал Аблаев, положив руку на его плечо. — Вы не ожидали?.. Друзья, свои люди не забывают.

— Я ведь не сообщил... Никто ни разу даже не позвонил, не справился обо мне. А они вот все с цветами, радостные. Можно подумать, что я все еще их директор. Удивительно.

— Не удивляйтесь, не исчезли с лица земли хорошие люди.

— Выходит так... Вы правы, правы, господин Аблаев. А я уже потерял надежду. У меня сердце окаменело от людской неблагодарности, от их короткой памяти...

— Нельзя таить обиду, терять надежду. — И Аблаев тоже приблизился к окну. — И вправду, с какими хорошими людьми вы работали... Какие душевные, ясные лица, все так и сияют.

— Смотри-ка. Даниялов пришел... — удивленно покачал головой Галимджанов. — Кого-кого, а его не ожидал увидеть.

— Почему?

— Когда я уходил с работы, он, желая угодить начальству, облил меня грязью. А был-то пьяница, а я его начальником цеха назначил.

— Значит, осознал свою ошибку. Совесть в нем заговорила. Бывают такие люди, в жизни всякое бывает. Не удивляйтесь, — сказал Аблаев.

И поинтересовался, который из них Даниялов.

— Да-а... Слишком умильно улыбается. Говорят же: подлости жди от подхалима. А вот тот, крупный такой, улыбается во весь рот, кто это?

— Этот? Это Сабир Мансурович. Был моим первым замом. Дружно мы с ним работали. Хоть он и был судим, я вошел в положение, взял на работу. И не пожалел. Было взаимопонимание. И все же... — не закончил фразу Галимджанов...

Сосед не стал расспрашивать, затянул галстук, стал тщательно расчесывать несколько волосинок около лысины.

— Оказывается, и Низам с Хуснетдином здесь, — прошептал Галимджанов. Эти пары незаменимы во время застолий. Хотя годы взяли свое, они округлились. Что сказать, то ли не выспались, то ли голова у них болит от вчерашних излишеств — лица уж больно кислые! Беспреданно облизывают губы. Уж не диабет ли у них?..

Наконец, готовые к выходу, попутчики широко открыли дверь купе. Но узкий коридор был запружен пассажирами. У каждого в руках и на плече сумки. Люди спешили скорее выйти из вагона, добраться до дома.

Не желая толкаться, они сели на свои места.

— В хорошем коллективе вы работали, — повторил Аблаев, не желая сидеть молча. — Когда работаешь руководителем, то много встречающих, провожающих. А стоит уйти — и тут же забудут... А такая встреча после четырех лет — это редкое явление.

— Я и сам не ожидал, — промолвил Галимджанов. Он уже подбирал слова, которые скажет каждому в отдельности, когда будет здороваться. Теплые, приятные слова, которые не всегда вспомнишь в нужное время.

Наконец, выход освободился.

— Вы идите вперед, вас ждут, — уступил ему дорогу Аблаев.

— Нет-нет, что вы... Вы же первый раз в нашем городе. Вы — гость. Вы идите первым, — предложил Галимджанов. — У меня и вещей много...

Прихватив дипломат, Аблаев направился к выходу. Галимджанов спросил:

— А вас, вас встретят?

— Должны. Сообщено.

И все же нельзя ни в чем быть уверенным. Галимджанов понимал, если соседа не встретят, то понадобится помощь, поэтому старался не отставать от него. Торопливо повесил дорожную сумку на плечо, схватил два больших чемодана, и вот он появился в тамбуре. Появился... и чуть не упал. Два чемодана одновременно брякнулись на железный пол тамбура. Дорожная сумка шлепнулась на них.

— Это вы, Ильдар Рустамович? — спросил Аблаева, когда тот еще не успел ступить на платформу, возвышающийся впереди, как гора, Сабир Мансурович. Второй рукой, не спросив разрешения, выхватил дипломат из руки гостя. Голос зычный, хорошо поставлен. Движения вкрадчивые. Приветливое лицо. Можно подумать, что стоит посреди большой сцены. — Мы слышаны о вас, как об известном всей стране ученом и руководителе, Ильдар Рустамович. Добро пожаловать! — произнес он и сделал изящный жест рукой. — Я ваш первый заместитель, то есть правая рука, Сабир Мансурович. Ни дождинке, ни снежинке не дам на вас опуститься. Можете мне доверять. Есть у меня звание “Заслуженный работник”, и медали есть. Скажу по секрету, я и песни пишу. Если суждено, то и вам посвящу песню, — и тут же захохотал, мол, шутка... Улыбнулись и женщины, стоявшие рядом с ним. Видимо, так было задумано.

Аблаев, не зная, как поступить, только вертел головой. Он ведь не понимал по-татарски. А встречающие этого не знали.

— О-о-о, Ильдар Рустамович, — с этим возгласом, толкаясь, пробрался Даниялов. — Вот, оказывается, какой вы милый, симпатичный человек. У нас такого руководителя еще не было... Мы так ждали вас... Давайте познакомимся, Ильдар Рустамович. Я — Даниялов. Заместитель. Ваш заместитель.

Отталкивая Даниялова, как говорится, двигаясь то вправо, то влево, в какое-то мгновение перед новым руководителем предстал третий тип. Хотя он и был мужчина, но губы его напоминали бутон красной розы, а щеки, несмотря на середину лета, были румяны, как яблоко. Он вручил свои цветы и, обомлевший от улыбки нового директора, поцеловал его в щеку.

— Здравствуйте, я — Кайметов.

Видимо, он ждал какого-то ответа, но его не было. И все же Кайметов не растерялся. Он засмеялся так звонко, словно серебристый ручеек зажурчал, и, удовлетворенный, мелкими шажками отошел в сторону. Вернее, его оттеснила группа жаждущих приветствовать нового руководителя. Не сдал-

ся только Сабир Мансурович, как встал рядом с директором, так и остался стоять. Стать, широкие плечи, зычный голос — попробуй оттолкни!

Невольно наблюдая этот спектакль, Галимджанов словно окаменел, он был в ужасе! Ведь это те, кем окружил он себя! Это не сотрудники, а артисты! Эх ты, собрал вокруг себя лицедеев. Вон как играют! Точно так же играли и четыре года назад. Играли с ним самим. А он не чувствовал, не понимал. Наверное, редко кто из руководителей, один из ста, не попадетя на крючок подхалимов. Только теперь он осознал это. А ведь для руководителя это — непростительная ошибка.

...Прошло четыре года — ничего не изменилось. Стольких руководителей они угробили за это время! А артисты на своих местах. Им хоть бы что. Их приемы и уловки те же. Единственная перемена — в сегодняшней комедии он не участвует. Он только сторонний наблюдатель. Он наверху. Его сегодня не видят. А возможно, притворяются, что не видят.

Страждущих предстать перед новым директором, пожать руку, вручить букет было немало. Только и слышно: “Ильдар Рустамович, Ильдар Рустамович”, перебивая друг друга. Толпа как волна, в непрерывном движении, уносит директора в сторону, подальше от вагона.

Аблаев не забыл о нем. Несколько раз оглядывался на Галимджанова, стоявшего в тамбуре. Помахивал рукой, пытался что-то сказать, но нет, не удалось, их быстро разъединили.

Осторожно ступив на железную ступеньку вагона, держась за поручни, Галимджанов спустил один чемодан, затем поднялся за другим. Полез в третий раз забрать сумку. Он запыхался и сел перевести дыхание на чемоданы, которые поставил прямо у дверей вагона.

Гомон “своих людей” с букетами удалялся. Хотя и были здесь те, кто увидел его красешком глаза, не кивнули даже издали, никто не подошел, чтоб пожать руку... А ведь не могли не узнать!

Он старался припомнить, кого из них он обидел хотя бы невзначай. Вроде бы нет. Делал только добро, сколько было в его силах. Почему же они постарались сделать вид, что не замечают его? На худой конец хотя бы один подошел поздороваться, пожать руку. Или зло обругать его, если обиженный. Нет, не отважились. Побоялись вызвать недовольство нового руководителя... А Аблаев — хороший человек. Кажется настоящим человеком...

— Это вы, товарищ Галимджанов? Что вы тут сидите? — спросил прохожий.

— Да, я — Галимджанов. Но вас не знаю, впервые вижу.

— Не удивительно, недолго работал я под вашим руководством. Недолго, около двух лет.

— Не назовете свою фамилию?

— Малов я, Алексей. После технического университета меня распределили к вам.

— Вот оно что... — Галимджанов не жаловался на свою память, но молодого человека не припомнил. Да и разве запомнишь молодежь, проходящую и уходящую ежегодно.

— Давайте помогу вам. По дороге и поговорим, возможно, и вспомните, — он взял чемоданы и зашагал.

Галимджанов припустил за ним, повесив сумку на плечо. Порой даже приходилось делать пробежку, чтобы не отстать.

— Эх, доставлю вас с ветерком, — улыбнулся Алексей, открывая багажник старенького “жигуленка”.

В багажнике поместился только один чемодан. Второй чемодан и сумку он устроил на заднее сиденье.

— Не могу вспомнить, — повторил Галимджанов, согнув свою высокую фигуру и усаживаясь на переднее сиденье.

Тронулись. Машина, хоть и старенькая, шла споро. Видно, что водитель опытный.

— Вы меня уволили, — сказал Малов после некоторого молчания.

Галимджанов вздрогнул, словно его ударили обухом по голове. Не понимая, шутка это или правда, он повернулся к водителю и долго смотрел на

него. Уж не собирается ли парень мстить, да и сам хорош, доверился первому встречному... Он насторожился.

А Малов бесхитростно улыбнулся и продолжал:

— Лет пять или шесть тому назад я начал работать у вас инженером. Работа мне нравилась, вроде и мной были довольны. Даже собирались назначить старшим инженером. Согласитесь, для человека со стороны, без блат, это немало.

— Верно, для вчерашнего студента за два года подняться до старшего инженера — великое достижение. Выходит, были не без способностей.

— Выгнали вы меня, а “старший инженер” остался на словах.

— Да, это вышло плохо.

— Говорят же, кто прошлое помянет... Что было, то было. Да это для вас и неинтересно. Просто к слову пришлось. На новогоднем концерте мы устроили “Огонек”. Там я показывал пародию на вас и ваших замов. Народу понравилось, хохотали до упаду. Руку жали, Дед Мороз мне даже подарок вручил... Только вот “старшего инженера” не дали, зажали.

— Да-да, — встрепенулся Галимджанов и вновь посмотрел на водителя. — Вспомнил. Вспомнил... Я и сам хохотал.

— Месяца через два заставили написать заявление. “Почему?” — удивился я. “Ну, парень, нужно уметь быть хозяином своего языка”. Так я и ушел... И с того дня занимаюсь частным извозом, — улыбнулся Алексей. — Семья не голодает. Хватает нам.

— Извините меня. Этого я не помню. Это некрасиво получилось. Не знаю, что и сказать... — почесал щеку Галимджанов. — Возможно, это произошло в мое отсутствие, когда я был в командировке... Судьбой человека так не играют.

— Еще как играют!..

— Да, — пришлось ему согласиться.

— Не удивляйтесь, но я, наверное, должен вас благодарить. Не прогони вы меня тогда, я бы и сейчас работал старшим инженером за три-четыре тысячи рублей. Говорят же, как одна женщина прокляла свою ненавистную соседку: “Чтоб муж твой был инженером, и чтоб вы жили на одну его зарплату!”.

— Да, есть такой анекдот.

— А так я эти три-четыре тысячи порой зарабатываю за день, — в очередной раз улыбнулся парень. — Да и сегодня некому было бы встретить вас, не прогони вы меня.

— Да, — тяжело вздохнул Галимджанов. — Недаром гласит народная молва: “Век живи, век учись!..” Выходит так... А вот и приехали.

— Который ваш подъезд?

— Последний... Вот спасибо, — Галимджанов вышел из машины.

Алексей Малов поставил у двери два чемодана и сумку.

Увидев в руках Галимджанова деньги, он по-своему дотронулся до его плеча:

— Не нужно. Мы же свои люди. Желаю вам здоровья и успехов...

— Нет-нет, возьмите, Алексей. Вы же на работе. У вас семья, — с протянутой рукой он пошел за парнем.

Тот сел в машину, послышалось “пока”. За стареньким “жигуленком” закрубились облачка пыли.

Слова Алексея “свои люди” проникли в душу. “Свои люди. Свои люди”, — повторил про себя Галимджанов. — С умыслом он произнес это, или?.. Интересно получается, я его уволил, а он мне — “свои люди”...